Юрий КЛИМАНОВ

Марина ФЁДОРОВА

Присядь со мной на краешек строки, Молчанием запьём отвар тоски, Который нам прописан натощак За то, что оскорбительно не в такт С героями унылых кинолент В коротком метре чёрно-белых лет Живём и силой слова рвём силки. Присядь со мной на краешек строки.

ЗеркальнаЯ

Зазеркальная девочка — там, во мне, Спит и видит в своём отраженье-сне, Как я режу ладони осокой дней, Жду весну — всех вёсен моих весней, Вырастаю на свет и боюсь теней. Этой девочки нет у меня родней.

> и баобаб всего лишь бонсай на Его подоконнике

тёмная ночь фонари спят стоя

лето на убыль тарелка для сбора клубники всё меньше

любит не любит что скажешь цветочек с двумя лепестками

на сквозняке чувствуешь себя игольным ушком в которое продевают нитку ветра Проём безгубый рта, оскаленно-немой; Оставленность черна в незапертых

глазницах...

Порой нельзя Твоим путям не удивиться!.. Я череп подниму. Да, этот череп – мой.

Он здесь уже лежит, пожалуй, с Гавгамелл, Черпая челюстью персидские пустыни. Но, старый друг, прости: ты мне не нужен ныне,

Увы, с античности я малость повзрослел.

И дело не в тебе: дойдя до Каракум, Я уроню, поверь, и эту черепушку. Но больше Божества нельзя любить игрушку И более души любить её костюм.

Я буду возрождён в Аду земном опять, Чтоб снова Рай искать в полузабытой вере, И в этой жизни я подавно не намерен Очередному мясу угождать!

Я, посох свой убрав из запылённых рук,
136 Отдав поклон тому далёкому столетью,
Внезапно рассмеюсь над плотью и над смертью.
И будет вновь со мной смеяться старый друг.

ПЫЛЬ

Моей судьбы последний сгинет след, И моему не будет места горю. О том, как много счастья на Земле, Спроси у пыли под твоей ногою.

Все лезут в гору, кто во что горазд, Успеха ради прах чужой тревожа. О том, кого низринула гора, Спроси у пыли у её подножья.

О том, зачем и почему погиб, О том, зачем и почему мы были, Спросить ты можешь у матёрых глыб; Но – я поверю только этой пыли.

Проходят сотни, миллионы лет, А ветры пыль с презрением уносят... ...О том, как много счастья на Земле, Возможно, и тебя однажды спросят.

Виктор ШАГИАХМЕТОВ

встретились снова а сколько плутали как деревья по лесу

мы непохожи но улыбка у нас одна

головокружение словно играя в жмурки я неуверенно шагнул в ту ночь

пытаясь поймать все вероломные образы и звуки

пот выступивший на льдинках в пустых бокалах

сброшенные чулки сложившиеся в две чёрные розы

щелчок выключателя комнату полную благоуханием темноты

и белизну твоего тела что жадно вобрала пустыня ночи как первую каплю дождя

> заложник молчания я смотрю тебе вслед закрытыми глазами

моя любовь – чужая вселенная веснушчатый космос

СЕМЕЙНАЯ ФОТОГРАФИЯ

В детстве я испытывал неудобство перед камерой и ненавидел семейные фотографии. Когда требовался второй кадр, я срывался, редко обходилось без сцен. Что заставляло меня вести себя так, я не мог объяснить словами, и родственники считали это пустым капризом.

Всё равно никуда не деться с семейного торжества – слишком мал для остального мира. Теперь, при взгляде на старый снимок, меня озаряет вспышка подозрения: не случилось ли подмены, не стал ли страх съёмки — страхом жизни, исполненной лицемерия, а моя душа — заложницей фотокарточки? Улыбаясь ближнему, до сих пор на секунду прекращаю дышать.

Анастасия КОНДРИНА

* * *

Положи меня, как билетик, в пустой карман, Чтоб в пути сохранить от смертельных нечаянных ран.

А иначе порвёшь, занимая руки От усталой муки, от тихой скуки. Положи и забудь, чтоб потом обнаружить на месте,

Замерев, подержать в ладошке – как будто вместе.

Вынимая монеты, ключи и память, Выбирая – что выкинуть, что оставить.

* *

137

Вот неопытная швея, А в руках у неё льняная судьба моя. Нить пестра и игла остра, А сама шальная. Неосторожно шьёт Дни дурные, во сне полёт. Тычет больно тупым ушком, заклиная: «Вырастешь — заживёт». Заживёт да выйдет в узор кружевной что оставлено за спиной.

Михаил РАНТОВИЧ

* * *

Сидеть и ждать на кожаном диване. Допустим, за пособием. Вахтёр насуплен, строг. Так длинен коридор. Там шелест офисный, шум, смех и спор. Приходит новый человек. Кто крайний?

Не двигается очередь ничуть. Шум этот бестелесный. Да, несладко. Доводчик сломан, ухает дверь гадко, гремит. Кто крайний здесь? Молчат — загадка. Пространство снова взглядом полоснуть, овалы скважин подсчитать монстеры, вопрос возникший — встать или не встать, чтобы уйти? — откинуть, умирать со скуки и, томясь, сидеть опять, до отупенья, до потери веры.

Коричневое дерево дверей, открытых в перспективе. Никогда ты уж не дождёшься. Потолка квадраты. Часы приёма на листке — как даты рождения и смерти. Поскорей!

Агата ЧЕРЕПАНОВА

* * *

На руинах победы дозволено плакать Всем, кто выжил в сей скорбный и радостный час. Всем, кому захотелось завыть, как собака, Рядом с другом, что пал, выполняя приказ. Тот, кто будет потом, тот поведает лихо О победах и славе, о бранных пирах, Но не вспомнит никто, как тоскливо и тихо Рядом с телом виктория рушилась в прах. Мой товарищ, мой брат... Ты не стал дезертиром В фейерверках снарядов, в фанфарах гранат, Ты с победой пришёл – на ту сторону мира, Где застыли в надежде десятки солдат... Что ж, прощай. Не растопит победа тот камень, Что остался во мне, там, где сердце стучит. На руинах победы построены храмы Для солдата, что мир свой незримо хранит.

